

СУББОТНЯЯ СТРАНИЦА

ВСТРЕЧА С АРТИСТОМ

Внезапная дробь ударных резко обрывает тишину зрительного зала. Звучит стремительная песня, и, вздрогнув, распахивается занавес. На сцену выходит молодой уже человек в строгом черном костюме. Он останавливается перед микрофоном и приветливым взглядом окидывает зал...

Так начинается эстрадная программа артистов Кабардино-Балкарской государственной филармонии. И каждый вечер выходит на сцену этот человек с добрыми глазами. Его выступлением открывается концерт.

...Улыбнувшись залу той простой, искренней улыбкой, которая сразу располагает нас на доверительный лад, он начинает свой рассказ. Перед нами возникают страницы мужества и стойкости нашей Родины. Гражданская война, интервенция, Великая Отечественная...

Нет, это не повествование, не рассказ — живая история предстает перед нашими глазами, с ее доподлинной атмосферой, точными деталями, музыкой, песнями тех

лет, когда наш народ вел героическую борьбу с бесчисленными полчищами врагов. Гремят выстрелы, слышится стремительный топот коней, боевой клич сменяет задушевную солдатскую песню на привале, атака идет за атакой... А на сцене — все то один человек! А в глубине — скромный ансамбль музыкантов.

Что же делает этот человек с добрыми глазами?

Да в том-то и дело, что он не старается что-то делать — заинтриговать, поразить, ошеломить. Тогда почему же невозможно оторваться от его одухотворенного лица, его говорящих рук, таких же выразительных, как и его сильный, гибкий, интонационно богатый голос?...

Просто артист живет на сцене, оставаясь самим собой. Одни называют это вдохновением, другие — волшебством, чудом. И действительно, оставаясь наедине со зрительным залом, он творит чудо, этот человек в строгом черном костюме — заслуженный артист Ка-

бардино-Балкарской АССР Эммауил Георгиевич Мартиросов.

При упоминании его имени невольно приходят на память слова кубинского поэта Николаса Гильена: «Мне два раза по тридцать, а не шестьдесят, и я не один раз старый, а два раза молодой». Тот, кто хоть раз видел Э. Г. Мартиросова на сцене, согласится со мной.

Его кипучая энергия легко преодолевает барьер рамы и мгновенно охватывает весь зрительный зал. И вот уже он, зал, сопереживает с артистом.

Страстно и убежденно звучат в исполнении Э. Г. Мартиросова патристические строки, что особенно дорого, они воспринимаются как очень личные, близкие сердцу самого исполнителя.

Наряду с патристическим накалом выступление несет мощный сатирический заряд. Перед нами проходит галерея портретов-шаржей многочисленных претендентов на владение Россией. Выразительная маска, типичный жест, особая манера выговора — буквально несколько штрихов, и перед нами — то анархист Махно, то японский полковник Иси Ямо, то барон фон Штраус.

Яркие, сочные краски, к которым прибегает артист, раскрывая тему, носят характер сугубо эстрадный, исходящий из самой природы искусства эстрады: они крупные, разящи, зрелищны. Так что данный номер артиста не вписывается в рамки сухого

определения «литературно-музыкальная композиция».

Перевоплощение Э. Г. Мартиросова разительно, зритель каждый раз с нарастающим восторгом встречает новую «личину» исполнителя, абсолютно веря его специфической правде. Разумеется, речь идет о том роде актерского перевоплощения, когда личность артиста не растворяется в образе, ибо того требует специфика эстрады. Исполнитель следует принципам искусства представления, в частности, эпического театра Брехта, когда зритель ни на минуту не сомневается, что видит перед собой артиста как личность, и персонаж воспринимается через отношение артиста к нему.

Данная композиция в исполнении Мартиросова весьма поучительна вот в каком отношении. Историко-революционная тема на эстраде знает множество интерпретаций, и ее воплощение в последнее время действительно приобрело некий «общесоюзный стандарт». Известно, где, когда и кем было установлено, но до сих пор почему-то считается, что эта тема должна быть выражена в очень строгих, а на самом деле попросту унылых тонах. Свидетельствуют о этом композиция докладов, композиция лекций мы были! Что говорить, ведь совсем до недавнего времени вопрос о том, может ли героическая тема быть раскрыта приемами комедии, считался просто неуместным. Но практика доказа-

ла обратное. (Вспомним хотя бы для примера полемику вокруг фильма о войне «Женя, Женечка и Катюша»).

Порой почему-то начисто игнорируется такая важная черта эстрады, как яркая зрелищность.

И в этом смысле композиция Э. Г. Мартиросова во многом смела, оригинальна, неожиданна. Она побуждает к глубоким размышлениям и лишний раз напоминает нам старые, но вечные истины: в искусстве нет банальных тем, есть банальные решения.

...Концерт. продолжается. Артисты разных жанров сменяют друг друга на сцене. Э. Г. Мартиросов ведет программу.

Чем больше знакомишься с ним на протяжении всего концерта, тем больше убеждаешься в том, насколько устарело применительно к этому артисту само слово «конферансье».

Мартиросов — гостеприимный хозяин артистического дома, которым становится любая площадка, где выступает эстрадная группа. Он по-отечески опекает своих молодых коллег по искусству, шутиливо комментируя их выступления, метко характеризуя каждого исполнителя сообразно его индивидуальности.

Тот факт, что пребывание Э. Г. Мартиросова на сцене в целом является неким незримым стержнем программы, а выступления других артистов — продолжением, развитием или дополнением той линии, которую он уста-

навливает, — этот факт указывает на новые, порой неожиданные возможности современного конферансье. Безусловно, это возможно лишь в том случае, если артист представляет собой по-настоящему интересную, цельную личность.

А иначе и быть не может. В соответствии с возросшим культурным уровнем современного зрителя, с объемом получаемой информации время предъявляет новые требования к артисту вообще и к артисту разговорного жанра в особенности. Он должен быть интеллектуальным, иметь широкий творческий диапазон и, конечно же, быть необычайно чутким к дыханию времени. Именно таким и является артист Э. Г. Мартиросов.

Чувству зрителя, которое у него так велико, можно только позавидовать. Нет необходимости доказывать, какую значимость оно представляет собой для артиста. Чувство зрительного зала — то же самое, что для музыканта камертон. Оно безошибочно позволяет определить те «оптимальные условия», при которых можно установить контакт, общение с публикой.

Дифференцированный подход к зрителю дает простор импровизации даже в тексте. Импровизация встречается со стороны зала теплый отклик. Так, например, объявляя известную песню «Непонятная любовь...», Э. Г. Мартиросов после паузы добавляет: «В доме отдыха «Заря». Или: рассказывая

юмореску, он устанавливает общение с залом через культуру массовика санатория, хорошо известного зрителям. Это делает зрителей как бы соавторами рассказа, дает ощущение того, будто бы рассказ рождается сейчас, эту минуту.

Э. Г. Мартиросов отличается большой требовательностью к себе. И не только к себе — он режиссер, художественный руководитель эстрадной группы. Это проявляется и в том, с каким вкусом он отбирает свой репертуар, в том, до какой степени отточенности и профессионализма доводит каждый свой номер, прежде чем выйти с ним на встречу со зрителем, и в том умении, с каким он сохраняет свой творческий настрой, свою «форму» артиста из концерта в концерт.

Мартиросов — сатирик, публицист, рассказчик, чтец, музыкальный фельетонист... Этим перечнем далеко не исчерпывается творческий диапазон артиста. Впечатление такое, что ему доступно все: и насмешка Эзопа, и раскатистый смех Рабле, и карикатура Домье, и чеховский душевный, грустный юмор. Но, пожалуй, самое главное то, что артист имеет свое лицо. Яркое, неповторимое в своей индивидуальности.

...Концерт подошел к концу. Человек в черном костюме с добрыми глазами говорит нам: «До свидания!..».

Прощаясь с ним, мы ждем новой встречи.

В. ГОЛУБНИЧЕНКО.